

Лу Чуань больше всего на свете ненавидел, когда его называли нищим.

Просто потому, что это было чистой правдой, и возразить ему оставалось нечего. Однако после того, как он попал в Обитель Зла, дела пошли на лад. Теперь слово «бедный» к нему никак не вязалось.

Лу Чуань аж позеленел от досады.

Номер 888 едва сдержал смехок. Чтобы не выдать себя, он предусмотрительно отключил звук в системном интерфейсе — если бы он захихикал сейчас, хозяин точно устроил бы ему хорошую взбучку.

Лу Чуаня редко когда удавалось заткнуть за пояс одной фразой. Но сегодня случился как раз такой день.

Для стороннего наблюдателя и Лу Чуань, и Лилилеси выглядели бесспорными гениями. Молодые, решительные, предельно собранные и осторожные при прохождении инстансов — настоящие самородки. Но для стоящего перед ними кредитора Обители Зла они не представляли никакого интереса.

В чём суть ростовщичества? Разумеется, в наживе.

А у этих двоих показатель разума балансировал на грани катастрофы. Один из них и вовсе с трудом сохранял человеческий облик — его показатель разума оказался ниже, чем у самого кредитора. Выдашь таким заём, а они сгинут в тумане, не успев закончить инстанс. Ищи потом свищи свои ресурсы.

— Не мешайте мне работать. Проваливайте, проваливайте, — кредитор говорил на удивление спокойно. Он прекрасно знал, что безумцы вспыльчивы, и не собирался ввязываться в драку со смертниками.

— Это ещё что значит? — оскорбился Лилилеси. Одно дело — отказаться от сделки самому, и совсем другое — когда тебя с порога называют оборванцем. Никто ещё так открыто не выказывал ему пренебрежения.

— Тебе, так и быть, я могу ссудить самую малость, но ему — ни за что, — серьёзно ответил кредитор, окинув Лилилеси оценивающим взглядом. — Хотя твой показатель разума тоже почти на исходе, ты держишься и ещё протянешь какое-то время. К тому же у тебя особая родословная, твоя плоть ценится высоко. Ради этого я готов рискнуть. А вот твой приятель — безнадёжен. Ни один уважающий себя ростовщик не станет связываться с тем, кто уже одной ногой стоит в могиле.

Лилилеси мысленно вздохнул. Неужели в нём действительно ценилась только кровь предков?

Эта горечь, когда никакие личные старания не могут перевесить происхождение, была слишком глубокой, чтобы делиться ею с кем-то.

И всё же он со смесью ужаса и зависти украдкой взглянул на Лу Чуаня.

"У этого парня показатель разума почти на нуле, а он мало того что держится, так ещё и умудряется успешно закрывать сложнейшие инстансы. Какая же у него чудовищная воля, если он способен на подобное!"

— Грубо работаете, любезный, — покачал головой Лу Чуань. — Был бы у меня полный порядок с показателем разума, зачем бы я вообще пошёл к ростовщику? Вы вообще в торговле хоть что-то смыслите?

— Мы даём займы тем, у кого низок показатель разума, это верно. Но в твоём случае... Честно говоря, я вообще поражаюсь, как ты до сих пор не обратился в чудовище, — кредитор поправил свои тёмные очки. — И не спорь. Мои очки — особый артефакт, показывающий точные цифры. Специально подбирал, чтобы защититься от обмана. А то вы, путешественники, вечно норовите нарушить контракт.

— В этот сектор слабаки не забредают, — упрямо возразил Лилилеси. — Раз уж мы сумели отыскать тебя, значит, и долги вернуть в состоянии. Ты слишком категоричен.

— Верно, вы сильные. Но именно поэтому, когда ваш показатель разума упадёт ниже шестидесяти, начнётся мутация. Вы тут всё разнесёте к чертям, а вместе с вами погорят и наши клиенты, заложившие плоть и показатель разума. Одномоментно образуется целая гора невозвратных долгов... — Кредитор наотрез отказался оформлять сделку.

Лу Чуань и Лилилеси переглянулись и, не солоно хлебав, поспешили убраться восвояси.

«Что за напыщенная индюшати́на? Какая неслыханная наглость!» — бушевал Лу Чуань в своём сознании, жалуясь Номеру 888. Его уже целую вечность никто не смел называть нището́родом в глаза.

А самое обидное — ведь и возразить было нечего!

От этого злость только закипала сильнее.

В голове раздался встревоженный, успокаивающий голос Системы:

"Хозяин, спокойно! Ну что смыслит этот мелкий статист? Давайте просто раздобудем побольше артефактов для восстановления показателя разума, поднимем показатель разума, и дело с концом!"

«Раньше я не придавал значения низкому показателю разума, но, похоже, пора этим заняться», — мысленно согласился Лу Чуань. Это действительно было слабым местом.

Ростовщик обмолвился, что подобных контор в игре полно. Что, если в следующем инстансе ему срочно понадобятся ресурсы, а из-за низкого показателя разума ему укажут на дверь? Нельзя допускать таких досадных заминок.

"У вас обязательно всё получится, хозяин!" — подбодрил его Номер 888, преисполненный искренней веры.

Втайне системе тоже было безумно любопытно: если рассудок Лу Чуаня полностью восстановится, каким он станет? Останется ли он прежним безумным стяжателем, одержимым каждой копейкой?

«Что ж, придётся отдуваться Мэй Сюэ и Гу Цюаньаню. В крайнем случае заставим влезть в долги и их подручных», — Лу Чуань быстро взял себя в руки. Изливать душу он позволял себе только перед преданной системой, но никак не перед чужаком вроде Лилилеси.

В этот момент он искренне порадовался собственной предусмотрительности — благо Мэй Сюэ и Гу Цюаньань успели скрепить союз с помощью Свидетельства контракта. Прознай они, что сам зачинщик сделки не кредитоспособен, тут же пошли бы на попятную.

К счастью, договор уже подписан. Они на одной пиратской посудине, и деваться им некуда.

— Ты что, все свои прежние безупречные прохождения за счёт показателя разума вытаскивал? Даже если восстановить его трудно, неужели гильдия «Созвездие» палец о палец не ударила, чтобы помочь тебе? — озадаченно спросил Лилилеси.

Свой собственный показатель разума он считал критически низким — настолько, что вице-президент гильдии «Возрождение» без усталости разыскивал для него любые восстанавливающие средства. Но они с сестрой лишь наполовину были людьми, и их показатель разума никогда не поднимался выше восьмидесяти, обычно колеблясь в районе семидесяти. За вычетом лёгкой нелюдимости, нежелания общаться со смертными, непреодолимой тяги к инстансам вместо реальности и редких вспышек ярости, они оставались вполне вменяемыми и не доставляли хлопот.

Но в чём крылась причина состояния Лу Чуаня?

Неужели руководство «Созвездия» умело только выжимать из него соки, наотрез отказываясь инвестировать в ценный кадр?

— Я не считаю, что у меня низкий показатель разума. Скорее уж у Главной системы сбились настройки, — совершенно искренне ответил Лу Чуань. — Я законопослушный, исполнительный

и исключительно мирный гражданин. Честнее меня человека не сыскать.

Лилилеси, разумеется, не поверил ни единому слову.

— И что теперь делать? — Он решил не развивать скользкую тему. — Если Мэй Сюэ и Гу Цюаньань пронюхают, что мы не можем взять кредит, они разорвут союз.

— Контракт уже в силе, — отрезал Лу Чуань.

— Но загвоздка в том, что мы не способны выполнить свои обязательства. Кредит нам не дадут. Вернее, не дадут тебе, — с лёгким превосходством поправил Лилилеси. — Моя плоть как раз ценится очень дорого. Будь здесь моя старшая сестра Синсия, Око возрождения, она бы выбила колоссальную сумму. Её плоть ещё дороже — в прошлых инстансах высокоуровневые боссы частенько пускали на неё слюни.

«И этим стоит так гордиться?» — Лу Чуань искренне не понимал логики собеседника.

— Если мы оба будем держать рот на замке, откуда им узнать, чья это вина? — Лу Чуань смерил его строгим взглядом. — Главное — не проговориться. А когда мы приведём их к ростовщику, у них просто не останется выбора. Но сперва нужно разобраться, что спрятано в курительной трубке домовладельца. Обустроим всё как надо, и им придётся залезть в долги, хотя бы они того или нет.

— Ты понимаешь, что одним махом наживёшь себе смертельных врагов в лице гильдий «Ной» и «Бездна»?

— Ты в этом деле соучастник, — усмехнулся Лу Чуань. — И если ты, яндере-сестроман несчастный, посмеешь меня предать, я мигом нажалуюсь твоей ненаглядной Синсии. Распишу всё в красках. Заодно и погляжу, что из себя представляет Око возрождения.

— Откуда... откуда ты знаешь про мои чувства к сестре? — Лилилеси мгновенно ошетинился, его правая рука-коготь непроизвольно напряглась, готовая к удару.

— Смешно, — Лу Чуань закатил глаза.

У Лилилеси явно тоже были огромные проблемы с рассудком. Корчит из себя грозного и скрытного монстра, но сам даже не замечает, что в каждом разговоре по сто раз поминает сестрицу.

Если это не запущенный комплекс сестрички, Лу Чуань готов был дать голову на отсечение.

Союз, который изначально задумывался на четверых, незаметно сжался до тайного сговора

двоих.

Лилилеси, намертво привязанный к безумному плану Лу Чуаня, теперь ломал голову над тем, как обвести вокруг пальца Мэй Сюэ и Гу Цюаньяня и заставить их влезть в долги.

Чтобы не вызвать подозрений, подельники с самым невозмутимым видом вернулись в Апартаменты плоти.

Мэй Сюэ и Гу Цюаньяня в холле не оказалось — по всей видимости, они уже поднялись к себе.

Курительная трубка, принадлежавшая домовладельцам, почти круглые сутки находилась в руках у старика, и выкрасть её было делом непростым. Лучший момент представится сразу после очередного сбора арендной платы — в этот час старуха обычно бесцеремонно вырывает трубку из рук мужа.

Именно тогда хозяева теряют бдительность, и упускать такую возможность нельзя.

Лу Чуань и Лилилеси неторопливо направились к своим комнатам.

Теснившиеся на лестнице и в коридорах уродливые твари беспрестанно скалились и тянули к ним костлявые конечности, но юноши не обращали на них внимания. Лилилеси намертво зажал ключ-карту в когтях правой руки, так что у монстров не оставалось ни единого шанса её выхватить.

— А ведь в этих комнатах ещё вчера кто-то жил, — негромко заметил Лу Чуань, указав на распахнутые настежь двери.

— Это прежние спальни тех бедолаг, что переселились в одноместные номера, — Лилилеси заглянул внутрь. — От жильцов остались одни обглоданные скелеты. Вся плоть до последнего грамма поглощена апартаментами.

В этом проклятом месте строгое следование правилам давало призрачный шанс выжить, малейшее же отступление каралось смертью.

Те постояльцы, что переоформили аренду, больше не поднимались на второй этаж. Их новые каморки располагались на первом уровне, в том же крыле, где обосновался Гу Цюаньянь со своими людьми.

Наверняка на третьем этаже творилось то же самое.

Оказавшись в своей комнате, Лу Чуань и Лилилеси решили перевести дух.

Они на скорую руку перекусили печёным сейтаном — сытное, горячее блюдо выгодно отличалось от скудных паровых булочек, которыми давились остальные игроки.

Лилилеси полез на верхний ярус, намереваясь вздремнуть, но застыл как вкопанный: вся его постель была усыпана пёстрыми визитками сомнительного содержания.

Лилилеси лишился дара речи.

Перед их уходом постель была девственно чистой!

— Лу Чуань, это ещё что за мусор?

— Без понятия. Наверное, разносчики рекламы под дверь подпихнули.

— И они сами взлетели под самый потолок? — Лилилеси в ярости сгрёб визитки с полуобнажёнными девицами, разорвал их в клочья и швырнул в мусорное ведро. — Если я ещё хоть раз найду эту дрянь на своей кровати, клянусь, я скормлю её тебе!

Лу Чуань лениво повернулся на другой бок.

«Угрожай, угрожай. Всё равно в следующий раз повторю».

На следующий день Лу Чуаня и Лилилеси разбудил мучительный, спазматический голод.

Днём хозяева апартаментов не утруждали себя бесплатной кормёжкой жильцов. Уличные торговцы, завлекавшие ароматами накануне, бесследно исчезли вместе с рынком, а здание вновь утонуло во влажной, непроницаемой белой пелене. Чтобы не умереть с голоду, оставалось лишь покупать съестное у домовладельцев по грабительским расценкам, которые в несколько раз превышали вчерашние цены.

Почти все выжившие игроки уже спустились в просторный холл.

Мэй Сюэ и Гу Цюаньань угрюмо сидели за одним из столов, погружённые в раздумья.

— О, без пяти минут полдень. Почти все собрались, — старуха-домовладелица бросила плотоядный взгляд на старинные напольные часы. На этот раз стрелки шли исправно, приближаясь к двенадцати.

Однако доверия к здешним часам ни у кого не осталось — каждый про себя вёл собственный, куда более надёжный отсчёт минут.

— Только вас двоих и ждали. Ну вот, теперь все на месте.

Как только Лу Чуань и Лилилеси вошли в зал, старуха громко хлопнула в ладоши.

— Стойте, как это все? Нас тут всего тринадцать человек, — не выдержал один из игроков. — А где остальные семнадцать?

— Наверное, кто-то просто проспал в своей комнате. Надо пойти и растолкать их, — робко предложил другой.

Лу Чуань покосился на говоривших. Оба они вчера поспешили переоформить аренду на одиночные комнаты.

Скорее всего, несчастные уже обо всём догадались, но животный страх мешал им признать очевидное.

— Нет, явились все, кто мог, — бесстрастно произнёс старик-домовладелец, когда стрелки сошлись на двенадцати. — Час настал, а значит, пора огласить новое предписание.

Старуха осклабилась, обнажив гнилые дёсны:

— Правило четвёртое! Номера комнат игроков, повторно заселившихся в одноместные апартаменты, аннулируются. С этого момента на указанные помещения защита здания не распространяется! А те, кто остался без защиты... ну, сами понимаете, сюда уже не придут.

В холле воцарилась гробовая тишина. Лица игроков, особенно тех, кто малодушно бросил своих товарищей ради спасительного переселения, сделались мертвенно-бледными. Кое-кто из слабонервных беззвучно зарыдал, закрыв лицо руками.

— Я не хотел... не хотел их убивать...

— Я думал, они справятся... думал, обойдётся...

— Господи, как же так?

В жестоком мире Обители Зла предательство и принесение товарищей в жертву считались делом обыденным, пусть и презираемым. Кто-то шёл на это с лёгким сердцем, другие же ломались, не в силах вынести груза вины.

Но безжалостный инстанс не оставлял времени на пустые раскаяния.

Стоило часам пробить полночь, как в силу вступало очередное смертоносное правило.

Уныние и плач длились недолго.

Около трёх часов дня, решив, что голод окончательно подкосил волю постояльцев, домовладельцы вынесли несколько больших подносов с горячими паровыми булочками сяолунбао. Рядом они небрежно водрузили картонку с размашистой надписью: «ПРОДАЖА».

Ниже значилось: «Один сяолунбао — полкило свежей плоти. Два сяолунбао — одна единица показателя разума».

Для игроков, успевших дочиста обыскать каждый угол здания в тщетных поисках крошек съестного, эта новость стала последней каплей.

— Полкило плоти за одну крошечную булочку?! Вы издеваетесь?!

— Такова цена, милые. Не нравится — не берите, — ласково пропела старуха. — Можете попоститься, мы не настаиваем.

Ей ли было не знать: постояльцы никогда не держались долго. Рано или поздно каждый из них, скуля от голода, приползал к этому прилавку.

Из инстанса в инстанс сценарий не менялся.

— Я выхожу из игры... Всё, с меня хватит, — закричал один из игроков, окончательно потеряв самообладание. — Что это за адская дыра?! За сутки полегла половина группы! Я расторгаю договор! Я ухожу отсюда!

— О, прекрасный выбор! Прошу к столу, оформим выезд, — у старухи хищно загорелись глаза. — Если не хватает плоти, настоятельно рекомендую расплатиться показателем разума. Отдать за раз десять килограммов мяса... боюсь, твой организм не выдержит, если у тебя, конечно, нет при себе первоклассных регенерирующих артефактов.

Она принялась зазывать его с услужливостью рыночной торговли.

— Какая тебе разница?! Оформляй живей! — сорвался на визг игрок. Его колотило, он не желал оставаться в этих стенах ни единой лишней секунды.

Довольно ухмыляясь, старуха извлекла из-под полы Ведро размножения.

Несчастный послушно опустил ладони на край жуткого деревянного сосуда. На глазах у

притихшей толпы его тело начало стремительно усыхать.

Он и до этого не отличался богатырским сложением — сказывались вчерашние траты на аренду и скудный паёк. Теперь же, когда Ведро высосало из него положенные десять килограммов плоти, парень превратился в ходячий обтянутый кожей скелет. Смотреть на него без содрогания было невозможно.

— Теперь пришёл черёд рассудка, — глухо проскрипел старик-домовладелец.

Он водрузил на стол Весы точного веса, чтобы забрать ментальную плату у бьющегося в судорогах человека-скелета.

Зал огласился истошным, полным первобытного ужаса криком.

— Расчёт окончен. Свободен, — старик с довольной миной зафиксировал списание двадцати единиц показателя разума.

Крик оборвался. Пережив нечеловеческую муку, несостоявшийся жилец застыл. Лицо его превратилось в безжизненную маску, взгляд остекленел. Он едва держался на ногах.

— Эй, парень! Чего ты стоишь? Используй исцеляющие зелья! — крикнул кто-то из толпы, не выдержав зрелища. Как можно лишиться стольких ресурсов и даже не попытаться восстановиться?

— Лекарства?.. — Скелет хрипло, безумно расхохотался. — Зачем они мне? Какой смысл цепляться за эту жизнь? Что здесь смерть, что снаружи... Всё одно! Ха-ха-ха!

Судя по всему, потеря рассудка окончательно выжгла в нём волю к борьбе.

Внезапно он рванулся с места, настежь распахнул тяжёлую дубовую дверь апартаментов и бросился напрямик в клубящуюся белесую мглу.

— Мы все сдохнем! Никто не спасётся! Ха-ха-ха!

Безумные вопли быстро затихли в тумане. Парень исчез навсегда.

— Наша совесть чиста, — старик невозмутимо выпустил струю сизого дыма. — Слабый пошёл жилец. Стоит немного просадить показатель разума, как они тут же теряют всякий интерес к жизни.

Присутствующие не проронили ни звука.

Его слова били наотмашь своей жестокой логикой.

Даже если чудом выбраться из этого кошмара, как выживать в следующем инстансе с искалеченным телом и полуразрушенным разумом?

Какая разница — умереть сегодня или завтра?

Холл затопило удушливое, свинцовое молчание. Этот высокоранговый инстанс изначально предназначался для сильных игроков, и обычным обывателям здесь ловить было нечего.

Тишину нарушил резкий голос.

— Мне десять сяолунбао.

Лу Чуань пригляделся — это был один из подручных Мэй Сюэ.

— И мне десять!

— Мне тоже десять!

Голод сломил волю. Четверо подчинённых, прибывших вместе с Мэй Сюэ и Гу Цюаньанем, без колебаний согласились на сделку. В общей сложности они заказали сорок паровых булочек.

Ведро размножения до краёв наполнилось свежей, сочащейся кровью плотью. Старуха-домовладелица, довольно жмурясь, протянула скрюченную руку к курительной трубке своего мужа.

В то же мгновение воздух в холле со свистом разорвался.

Мэй Сюэ и Гу Цюаньань, выждав идеальный момент, одновременно сорвались с мест и хищными тенями бросились к заветной трубке.

<http://bllate.org/book/19937/2235823>